

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 16-го Октября 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10428.

ЛОНА.

Черненская встретила Лону около девяти вечера на Аничковом мосту. Лона была въ черномъ пальто съ большими красными отворотами. Тоненький зонтикъ въ рукѣ, маленькая шляпка на головѣ. Высокая, стройная, хорошенькая. Въ вечернемъ освѣщении, немного мертвенному и таинственному, лицо Лоны казалось блѣдымъ, но глаза были радостные, губы улыбались.

Черненская буквально набросилась на нее:

— Здравствуй, здравствуй! Но что съ тобой? Пропала на цѣлую недѣлю. Всѣ удивлены. Не играешь же ты на биржѣ? Или въ тебя влюбился какой-нибудь князь и сразу все предоставилъ?

Лона весело разсмѣялась.

Нѣтъ, никто не влюбился! Они не влюбляются, но мнѣ было такъ хорошо, такъ не хотѣлось идти на улицу. Ты понимаешь?

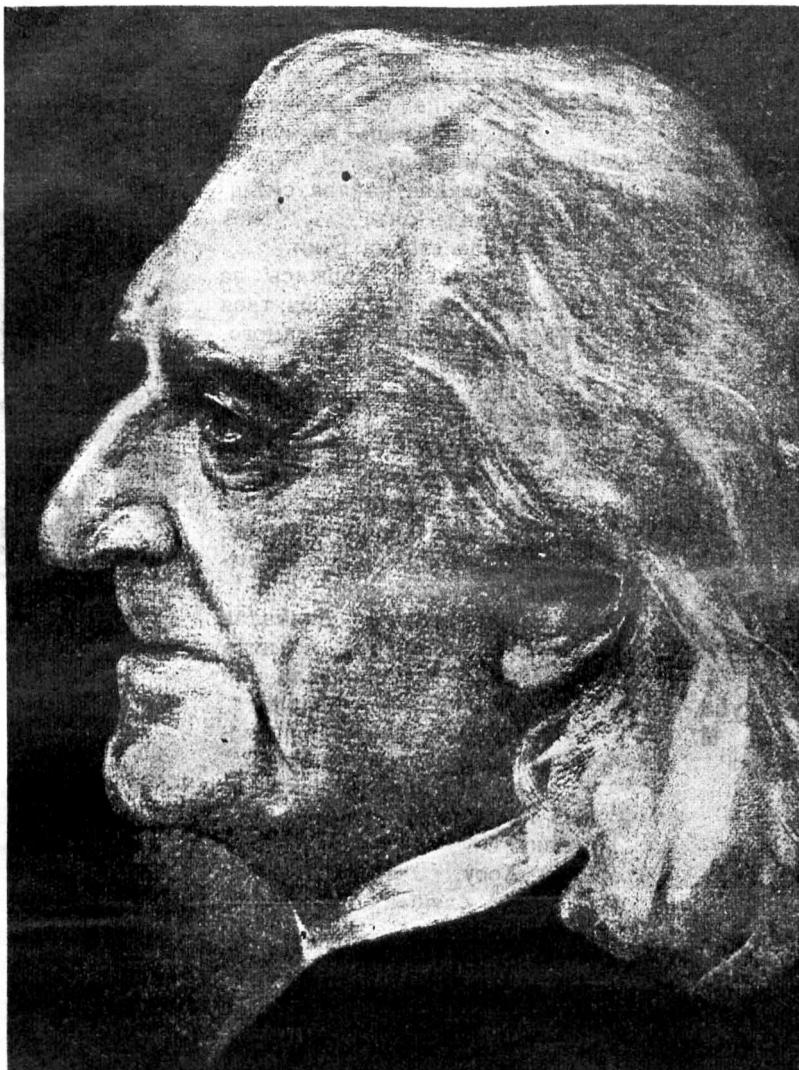
Она подхватила Черненскую подъ руку, и онѣ вмѣстѣ пошли по Невскому той медленной развязной походкой, которая такъ характерна для нихъ.

Навстрѣчу лилась пестрая, говорливая толпа. Освѣщенныя окна кофеенъ и ресторановъ рожали на улицу свѣтлые четырехугольники; сверкали кинематографы раз-оцѣвѣтыми крикливыми огнями, а высоко надъ улицами, въ синеватой глубинѣ ночи, сочили молочный свѣтъ электрические фонари.

— Я тебѣ уже говорила, нача-ла Лона, что переѣзжаю на другую квартиру. Вотъ и переѣхала. На Суворовской. Удачно очень, такая прелесть!

— Хорошая комната? Съ обстановкой?

— Ахъ, нѣтъ. Комнатка неважная. Четвертый этажъ. По лѣстницѣ пока подымешься, можно задохнуться: прово-нилась керосиномъ и тараканами. Обстановка тоже моя. Только умывальникъ дали большой, большой, хоть ванну въ немъ бери. Я люблю плескаться. Но зато какой великолѣпный дворикъ! Въ се-рединѣ, понимаешь, какое-то деревцо. Теперь оно немного пожелѣло, но, все-таки красивенькое. Ни въ одномъ дворѣ не видѣла. Рано утромъ и послѣ школы собираются сюда со всѣхъ квартиръ и подваловъ ребяташки, гомозятъ, кричатъ, воютъ, играютъ въ веселыя игры. Смѣшные необычайно! Одни въ от-цовскихъ пиджакахъ, выходить какъ пальто, другіе платками обмотаны и по-хожи на гномовъ, помнишь, какъ въ Народномъ Домѣ. Особенно нравится мнѣ трехлѣтній Петя, сынъ булочника. Куртка у него большая, толстая, воротникъ торчитъ по бокамъ, какъ осли-ны уши, а мордочка худенькая, блѣдная, глазки ласковые. Игратъ онъ еще хорошо не умѣетъ, только рученками размахиваетъ и топаетъ тонкими нож-



Францъ Листъ.

Къ исполнившемуся 10 октября 100-лѣтию со дня рождения.



Князь П. Н. Трубецкой.

+ 4 октября * с. листы до онъ оп

ками. Я хоочу до упаду. Представь себѣ эти ножки, которыя какъ ниточки висятъ изъ его громадной куртки!

— Какая хорошенькая и вѣ-селая, пробасилъ прохожий госпо-динъ, заглядывая прямо въ лицо Лоны.

Лона дернула Черненскую за руку:

— Пойдемъ скорѣй, не хочу.

— Ты совсѣмъ одурѣла, от-вѣтила та.

— Слушай же, слушай, про-должала Лона.

— Цѣлое утро я провожу съ ними подъ этимъ деревомъ. Устраиваю игры, бѣгаю, смѣемся. А потомъ хватаю Петью на руки, несу въ свою комнату. И лѣстница ни по чѣмъ. Смѣха съ нимъ сколько! Сначала сидѣть важно. Кофе пить, грызть карамельки, словно взрослый. А потомъ разойдется, хоочеть, все разматриваетъ, пальчиками тыкаетъ. Третьяго дня разбилъ мою мѣловую Джульеточку. Замѣръ на мѣстѣ и за-плакать. Очень испугался. А я его обняла и цѣловать начала. „Чего, говорю, плачешь? Это мнѣ все равно не нужно. Вотъ смотри“. Схватила я и мѣлового Ромео, бросила на полъ—не раз-ился негодяй. Такъ я его но-гами. Вдребезги!

— Глупо, лучше бы мнѣ по-дарила.

— Ты ничего не понимаешь, Черненская! Я никогда не была такъ счастлива. И сосѣди меня полюбили. Тамъ уже всѣ знали, а тутъ обходительные, вниматель-ные. „Милая барышня“, да „ми-лая барышня“. Кто-то разъ даже студент-кой назвалъ. (Черненская расхохоталась). Да, да. А булочница, вѣроятно, за мою любовь къ ея мальчикѣ прислала мнѣ вчера утромъ теплыхъ булокъ. Петяка и приносить. Вечеромъ въ гостиахъ у нихъ была. Ну, довольно обѣ этомъ. Пойдемъ въ Квисисану. Я такъ голодна. Черненская поморщилась.

— Не могу, не пускаютъ. На мѣсяцъ отлучили.

— Что ты! Набуянила?

— Ерунда. Сидѣла на сѣя своя компа-ния. Все молодежь. Лидка на чала вти-рататься. Я не вытерпѣла. Ну, да ты са-ма понимаешь.

Лона расхохоталась.

— Узнаю тебя. Ты злая, Черненская. Лиди, вѣдь, такъ плохо живется.

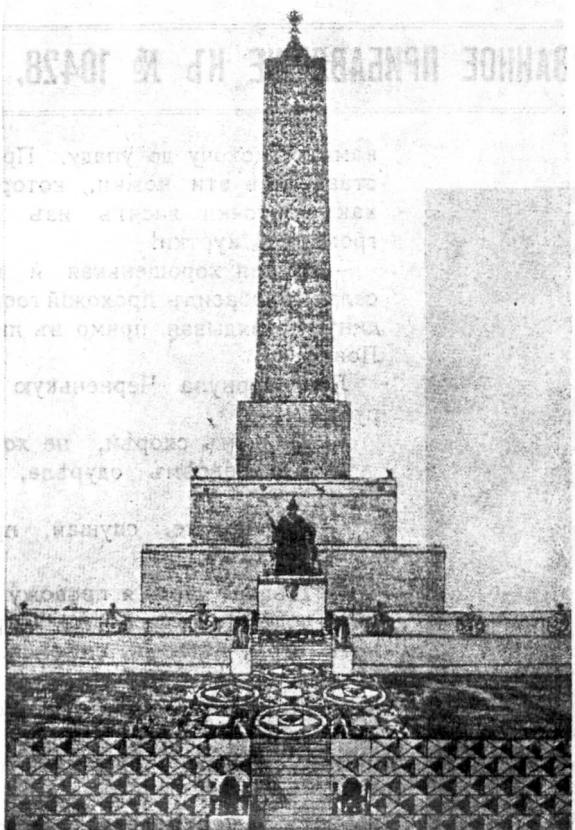
Лона простила съ подругой и во-шла въ кофейню. Но выпивъ кофе съ сладкой булкой, она не осталась здѣсь, какъ обычно, прогнала отъ себя какогото развязнаго усача и тотчасъ отправилась домой.

На душѣ было легко, легко. У себя быстро раздѣлась, бросилась на широкую постель и, радуясь своему одиночеству, разсмѣялась тихимъ груднымъ смѣхомъ.

*

*

Премированные проекты памятника въ ознаменованіе 300-лѣтія Дома Романовыхъ.



Проектъ архитекторовъ: Л. Р. Сологуба, А. Б. Рогильсона, В. С. Барта, А. М. Рухлядева и С. И. Овсянникова.



Проектъ академика А. И. Адамсона.

Памятникъ съ лицевой стороны.

Рано утромъ поднялась она. Умылась, одѣлась. Натянула до ушей шведскую шапочку, показала себѣ въ зеркальце и выбѣжала во дворъ.

Малыши играли въ мячъ. Петъка бросать не умѣлъ. Лона за него бросала. Петъка только ловилъ, но, поймавъ мячъ, визжалъ отъ радости и отдавать не хотѣлъ.

— Да, ну же, ну, теребила его Лона. Давай, брошу выше дерева. Прямо тебѣ на голову упадетъ.

Высоко взлеталъ мячъ, веселоядно смеялась дѣвушка, а малышъ, вытянувъ ру-

ки, закинувъ назадъ голову, прыгалъ вокругъ, слѣдя загорѣвшимися глазенками за приближающейся къ нему красно-зеленою точкой.

Въ этой игрѣ Лона раскраснѣлась. Изъ-подъ бѣлой вязаной шапочки выбились на лобъ и сползли къ ушамъ каштановая пряди ея волосъ. Сама походила на дѣвочку.

— Какао хочешь? нагнулась Лона къ малышу.

— Да, какава, какава, смѣшно повторилъ онъ.

Схватила его на руки.

Крѣпенько держись за шею. Вотъ такъ. Знаешь, твоя куртка тяжелѣе тебя самого.

— Курка?

— Не курка, а куртка! Куртка!

Взлетѣла по лѣстницѣ, усадила Петъку около трехногаго столика, припертаго къ стѣнѣ, сбросила шапочку и даже волосъ не оправила,—запрыгала около керосинки.

Сварила какао, наливалась Петъкѣ въ блюдечко, но пить не давала,—все цѣловала или по русой головкѣ гладила.

Кончила. Петъка нось размочилъ, растираль кулачкомъ.

— Куда полѣзть! Садись комѣ на колѣни. Вотъ; хочешь сказку?

— Хосу.

— Ну, слушай. Да что съ твоимъ носомъ!

Ахъ ты сморкунишка. Не три такъ, отвалился.

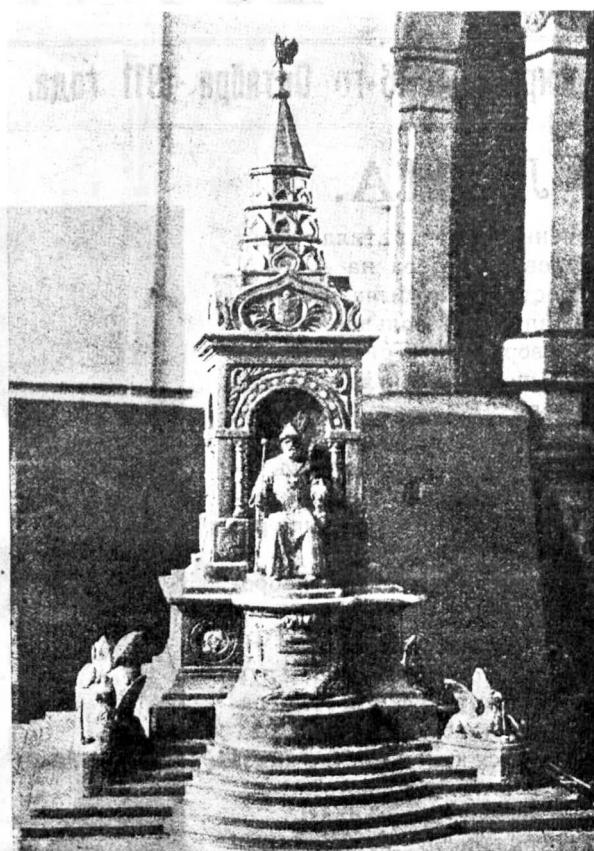
Лона обняла мальчика, прижала тонкіе пальцы къ лукой щечкѣ и чуть покачивая на колѣняхъ, рассказывала.

— Жила одна принцесочка, тоненькая, съ золотыми глазками. Была она добрая, добрая. Приносили ей обѣда скучать не могла; приносили ей платья, игрушки,—одной было много. Вотъ и рѣшила принцесочка отдавать свои пирожныя, платья, игрушки одной бѣдной замарашкѣ. Замарашка жила въ кухнѣ и называли ее Золушкой...

— Ну куда ты, вертлявый? А, нась заинтересовала мандолина! Понимаемъ. Постой, саинъ не достанешъ.

Лона сняла со стѣнки мандолину, украшенную разноцвѣтными лентами. Два года тому назадъ играла на ней въ ресторанѣ маленькаго провинциального города. Хорошо жилось тогда. Самъ главный скрипачъ былъ влюбленъ. А она смеялась, гнала, была гордая. И вотъ только два года прошло. И уже другая Лона. Совсѣмъ не гордая, все терпить. Всегда для кого-то такъ старательно одѣвается и дѣлаетъ черные брови и ярко красные губы. Чему-то смеется. Говорить, какъ и Черненькая, забыла все, какъ и Черненькая, и не стыдится, ничего не стыдится.

Лона вздохнула и, продолжая держать въ руки мандолину, подошла къ Петъкѣ,



Проектъ скульптора А. Курпатова.



Проектъ академика А. И. Адамсона.

Памятникъ съ оборотной стороны: она же памятникъ за нѣсколько вѣковъ позже. Памятникъ съ оборотной стороны: она же памятникъ за нѣсколько вѣковъ позже. И случайно взглянула на лакированные туфли, съ вогнутыми въ нихъ шелковыми чулками,—выглядывали изъ подъ кровати. Показались вдругъ такими противными, съ своими бантами и пряжками. Отшвырнула ихъ ногой дальше.

— Давай, давай, не вытерпѣлъ Петъка.

— На; положи вотъ такъ. Здѣсь держи, здѣсь играй.

Малышъ зазвенѣлъ струнами.

— О, какъ хорошо! Великолѣпно! И опять повеселѣвъ, Лона цѣловала Петъку въ надувшія отъ серьезности губы.

— Въ дверь постучали.



Кіаміль паша.

На случай возможного призыва к власти.
(Отъ наш. спец. кор-та).

— Ну кто тамъ?
Дверь скрипнула, показался бѣлявый, весь запудренный пекарь. Даже рѣчицы были бѣляя, а пальцы рукъ, облѣпленные тѣстомъ, держаль растѣлы.

— Хозяйка Петью-ку кличетъ.

— Да онъ мнѣ не мѣшаетъ.

— Поди, говоритъ, и сейчасъ же сюда приведи. Не могу, говоритъ, я допустить...

Пекарь вдругъ оскалилъ зубы улыбкой, ласковой, но какой-то особой, не много жадной и не-прятной. А глазами такъ и бѣгали, то на Лону глянетъ, то на ширму, обвѣшанную разноцвѣтными блузками и юбками,

Лона ничего не сказала, сразу поняла.

— Началось, подумала она.— Будутъ травить какъ и тамъ. Боже мой, и кто сказалъ, какъ узнали! Сжала губы и отошла къ окну.

Петьюка долго не хотѣлъ оторваться отъ мандолины, наконецъ, оставилъ, заплакалъ. Лона обернулась. Петьюка уже выходилъ. Хотѣла броситься къ нему, расцѣловать, но сдержалась. Снова вернулась къ окну и тупо смотрѣла на пожелтѣвшее деревце, выросшее въ каменномъ четыреугольнике двора.

Стукнула дверь, затихли шаги пекаря. Лона отошла отъ окна и сѣла на край кровати. Вся какъ то сгорбилась, тонкія плечи согнулись впередъ. Сразу потускнѣла, сразу потухли глаза.

Долго сидѣла неподвижно, потомъ вдругъ улыбнулась вѣй, жалкой улыбкой и зашептала:

— Жила была принесочка, тоненькая, съ золотыми глазками. Приносили ей

обѣдъ, приносили ей игрушки... Одно — о—о—й бѣбы — былло мно—о—о....
Оборвала, заплакала тоненько, остро, прижимая къ лицу маленькия, похолодѣвшія руки.

**

Въ небольшой душной комнатѣ ресторана-кофейни "Квисисаны", какъ всегда послѣ двѣнадцати ночи, набилось много народа.

Въ табачномъ дыму сдѣлалась матово свѣтъ электрическихъ лампочекъ.

Кто то спустилъ пятиалтынный въ машину органъ, и, хрюпя и присвистывая, она воила "ой-ру".

— Ой-ра! ой-ра! звенѣло въ ушахъ Лоны, и не могли заглушить этихъ хрипѣвшихъ звуковъ ни собственные мысли, ни смѣхъ, говоръ, окрики, звонъ стакановъ и стукъ ножей.

Къ ея столику уже нѣсколько разъ подсаживались обычные посѣтители кофейни. Тѣ, которые угощаются пивомъ и сразу берутъ за руки, смотрѣть прямо въ лицо и говорять одинаково грубо и въ пьяномъ и въ трезвомъ видѣ. Она говорила, что больна и отмалчивалась, пока ее не оставляли въ покое.



Хакки-паша.

Бывшій великий визирь, противъ котораго возбуждено преследованіе.

(Отъ наш. спец. кор-та).



Объявленіе призыва редифовъ въ Смирнѣ.

(Отъ наш. спец. кор-та).

Нѣтъ, сегодня она мечтаетъ совсѣмъ о другомъ.

Нѣрвно постукивая пальцами по мраморной доскѣ стола, она внимательно осматривала всѣхъ холодно, пытливо, словно искала что. Наконецъ, все ея вниманіе сосредоточилось на прибывшей компании молодежи, которая заняла столикъ около органа.

Почти все это были студенты. Нѣко торыхъ она видѣла здѣсь и раньше. Это не интересовало. Но вмѣстѣ съ ними сидѣлъ и пилъ пиво тоненький юноша, почти гимназистъ. Какъ то робко, хотя и съ любопытствомъ, взглядалъ онъ на проходившихъ женщинъ. Краснѣлъ, опускалъ глаза и неловко хватался объими руками за свою кружку пива.

Товарищи смигались, шутили, непрерывно ворочались на своихъ стульяхъ, озирая залъ, а онъ больше молчалъ, только слушалъ и немного дѣланно улыбался. Было ясно, что онъ впервые здѣсь, что его затянула компания, что надѣ

Схватила розу, пришипленную къ груди, смигла ее нервными холодными пальцами и закусила губы. О, она сумѣть быть злой, разнудзданной, ядовитой. Она сумѣть портить, ломать, осквернять. И все росло и росло мстительное чувство, заставляя крѣпко биться сердце. Сегодня она будетъ ужасна.

Они вышли вмѣстѣ—Лона и тоненький юноша.

На углу встрѣтилась Черненькая.

— Вотъ и прекрасно, сказала она,— А то, право, я думала, что ты влюбилась или получила наслѣдство.

Лона не отвѣтила. Блѣдная, съ злыми глазами, закусивъ нижнюю губу, она пошла дальше, крѣпко опираясь на руку своего спутника.

На углу стоялъ извозчикъ. Они сѣли.

— На Суворовскій, крикнула Лона, крикнула какъ то особенно раздѣльно, рѣзко и почти вызывающе.

Ал. Станкевичъ.

его робостью много смигались и ему безусловно захотѣлось показать себя взрослымъ, не уступить насмѣшникамъ. Раньше Лона старательно избѣгала подобныхъ знакомствъ, но теперь какое-то ликованіе наполнило ея грудь, какое-то чувство мести росло въ ней, ширилось, хотя она сама не могла бы объяснить его, и, задорно пристукивая каблуками, вся подаввшись впередъ, она съ холодной злой разсматривала юношу. Наконецъ, она поймала его почти влюбленный взглядъ. Онъ стыдливо улыбнулся. Она отвѣтила открытой циничной улыбкой, и жестокая радость наполнила ея грудь.

Схватила розу, пришипленную къ груди, смигла ее нервными холодными пальцами и закусила губы. О, она сумѣть быть злой, разнудзданной, ядовитой. Она сумѣть портить, ломать, осквернять. И все росло и росло мстительное чувство, заставляя крѣпко биться сердце. Сегодня она будетъ ужасна.

Они вышли вмѣстѣ—Лона и тоненький юноша.

На углу встрѣтилась Черненькая.

— Вотъ и прекрасно, сказала она,— А то, право, я думала, что ты влюбилась или получила наслѣдство.

Лона не отвѣтила. Блѣдная, съ злыми глазами, закусивъ нижнюю губу, она пошла дальше, крѣпко опираясь на руку своего спутника.

На углу стоялъ извозчикъ. Они сѣли.

— На Суворовскій, крикнула Лона, крикнула какъ то особенно раздѣльно, рѣзко и почти вызывающе.

Ал. Станкевичъ.

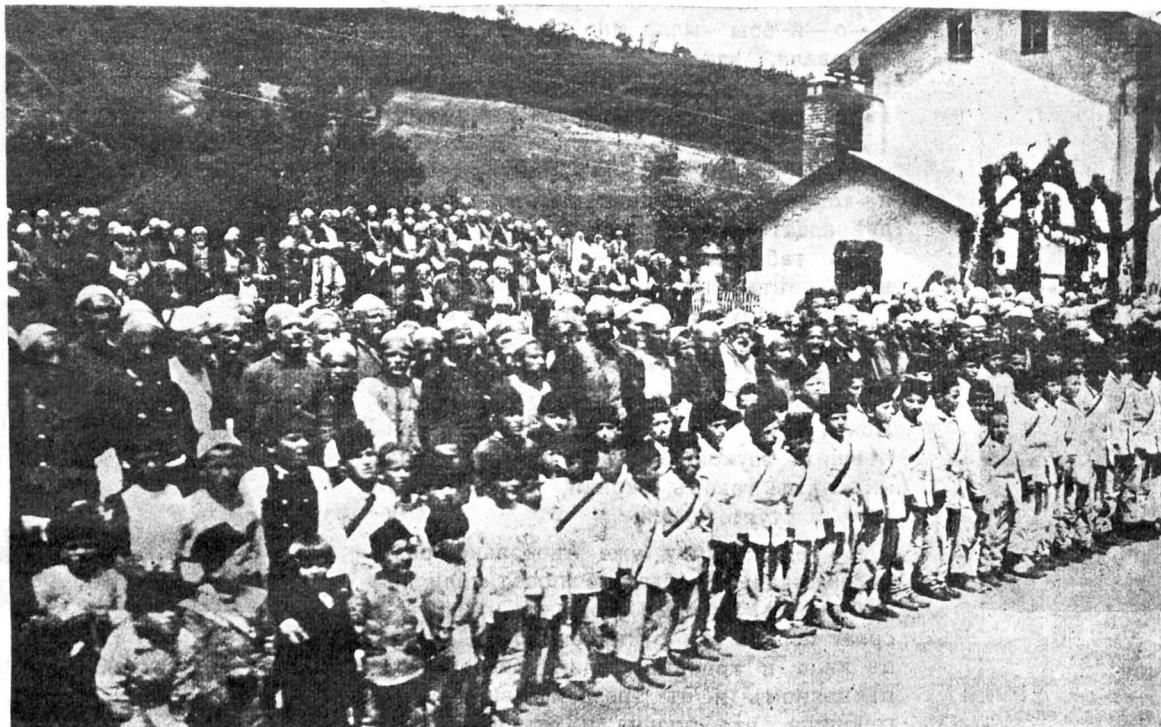
СМЪСЬ.

Капризъ
природы.

Англійскія газеты приводятъ рѣдкій случай изъ такъ называемыхъ „ка- призовъ приро- ды“. Въ Девон- шири въ одной доста- то- чи- ой семье живеть дѣвушка 22 лѣтъ, кото- рая съ пяти- лѣтняго возра- ста не ростеть и не развиваеть- ся. У нея и сей- часъ еще имѣ- ются молочные зу- бы; она со- хранила въ дѣт- скіе вкусы и при- вычки. Мильдредъ Гертъ (такъ зо- вутъ дѣвушку) про- водить дни въ дѣт- скомъ кресльѣ за дѣт- скимъ столикомъ. Любимое ея занятіе — одѣвать куклу. Она спить въ той же кроваткѣ, что и 17 лѣтъ назадъ. Понятія о вещахъ у нея дѣтскія. Случай съ Мальдредъ Гертъ врачи пытаются под- вести подъ кре- тинизмъ, но это непра- вильно, такъ какъ дѣвочка нисколько не напоминаетъ иди- отку.

Подземный водо- падъ.

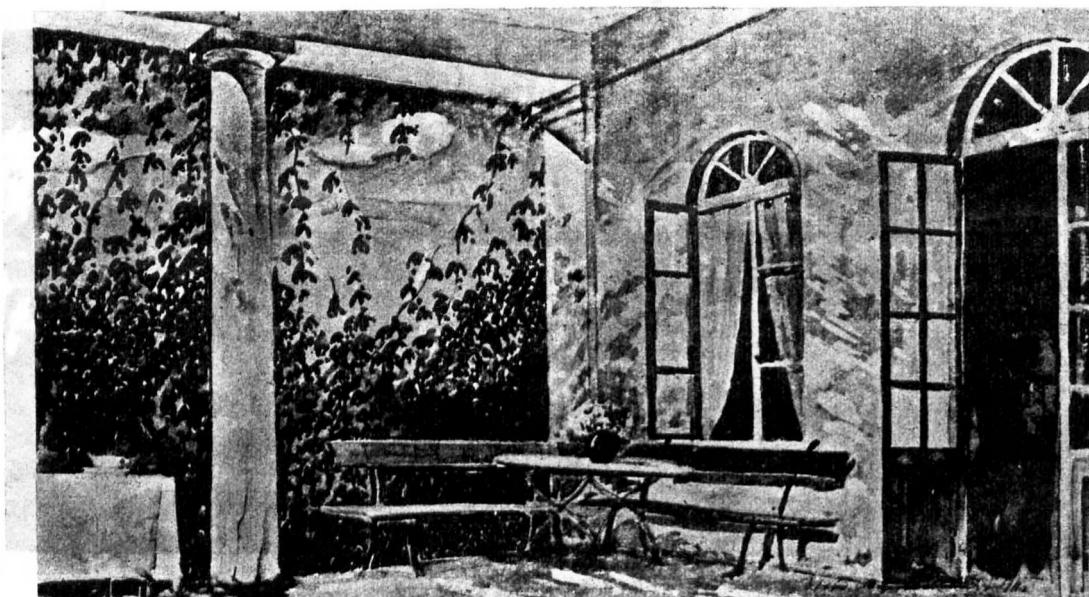
Недавно нѣсколь- кими туристами пред- принято было смѣлое путешествіе во вну- тренность грота Штальденъ, въ Швей-



Турецкіе потѣшные при отправленіи войска на войну.

(Отъ наш. спец. кор-та).

Къ постановкѣ „Живого Трупа“ Л. Толстого въ Городскомъ театрѣ.



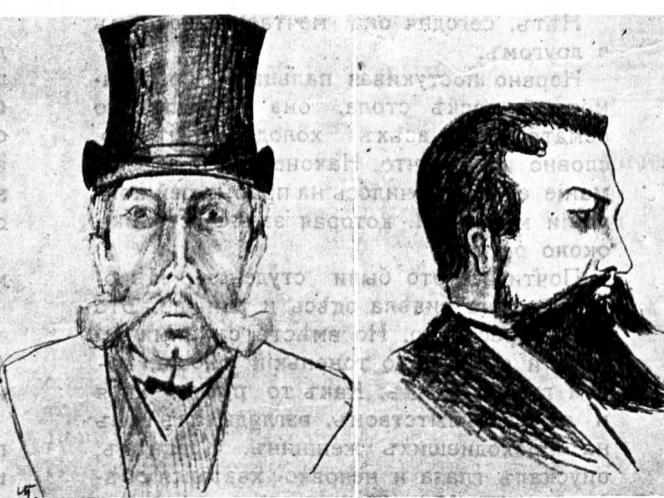
Эскизъ художника П. И. Андрющева.



Федоръ Протасовъ.



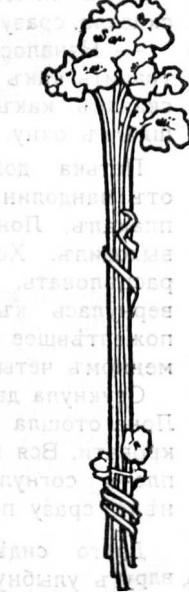
Князь Абрезковъ.



Викторъ Каренинъ.



Судебный слѣдователь.



царіи, неподалеку отъ Швицъ. До сихъ поръ еще никто не рѣшался проникнуть туда: путешественниковъ устрашала опасность утонуть или быть задавленными скатывающимися при малѣйшемъ движении огромными камнями и глыбами земли. На этотъ разъ общество смѣлыхъ изслѣдователей запаслось провантомъ на 8 дней, складными лѣстницами, канатами въ 5 верстъ длины, ацетиленовыми лампами и безстрашно углубилось

въ пещеру. Въ тек- ченіе 48 часовъ они находились подъ сводами пещеры, такъ что въ селеніи ихъ считали уже погибшими. Медленно под- двигаясь въ узкихъ проходахъ, они открыли въ глубинѣ пещеры цѣлый рядъ неожиданныхъ красо- тъ природы. Наи- болѣе замѣчательное изъ всего открытаго ими это—гигант- скій подземный водопадъ, которыи, какъ говорятъ, лишь немного уступаетъ по своимъ размѣрамъ Ниагарскому.

